

Владимир ФИЛИПPOB

РУСЬ И ВАРЯГИ

Владимир Валерьевич Филиппов

Русь и варяги

Серия «Неведомая Русь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70015522
Русь и варяги / В.В. Филиппов: Вече; Москва; 2023
ISBN 978-5-4484-8971-6

Аннотация

Вопрос о связях Древнерусского государства, и даже больше, восточнославянских племен еще до его образования, и скандинавов, известных у нас как варяги (они же норманны, они же викинги), чем-то схож с вопросом о первенстве курицы и яйца. Пусть порой кажется, что ответить на него невозможно или что все давным-давно ясно, попытки переосмыслить и разобраться с ним предпринимались и будут предприниматься не раз. И не все они обречены на неудачу. Хочется верить, что перед вами работа, автору которой удастся сказать свое слово по данной теме. Вы непременно найдете в ней интересные идеи и версии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	39
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

НОВЕДОЖНАЯ РУСЬ

Владимир Филиппов
Русь и варяги

© Филиппов В.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Глава 1

Викинги

Наше повествование берет свое начало в эпоху раннего Средневековья. В то самое время, которое любят называть эпохой викингов. Шведский ученый, академик Шведской академии наук Андерс Стринггольм в своем двухтомнике «Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов» даже вывел точку отсчета, от которой эта самая эпоха взяла свое начало: 753 год. Дата, когда викинги впервые появились у берегов Англии и ограбили остров Танет, расположенный в северо-восточном углу исторического графства Кент. Однако не все его коллеги были с этим определением согласны, большая часть историков ведет отсчет этой эпохи от 8 июня 793 года – времени, когда викинги напали на основанный ирландскими и шотландскими миссионерами монастырь Святого Кутберта на острове Линдисфарн у восточного побережья Англии.

Для нашей книги эта дата, как и следующая, никакой существенной роли не играет, она лишь обозначает условные временные границы, в которые должны уложиться основные события данного повествования.

И раз уж мы обозначили начальную точку отсчета, то поставим и конечную. Завершилась эпоха викингов во второй

половине XI века, в 1066 году, в битве у английского города Стэмфордбриджа, после гибели норвежского конунга Харальда Сурового.

Викинги... Так в Скандинавии именовали воинов, совершавших походы в другие страны. Что конкретно означает название «викинг» (víkingr) для науки, до сих пор остается не вполне ясным. А раз так, то и мы гадать не будем. Главное, что можно сказать с уверенностью: слово «викинг» в те далекие времена едва ли можно было считать комплиментом. В исландских сагах XIII века викингками называют необузданных и кровожадных людей, занятых лишь грабежом и пиратством. Вряд ли кого-то в те времена ненавидели больше, чем викингов – и поделом, среди них было немало жестокосердых подонков, и они действительно умели быть и злобными, и жестокими. Наверное, было что-то такое в тамошнем воздухе.

Невольно создается ощущение, что Скандинавия, будто желая избавиться от самой агрессивной части своих народов, высылает в разных направлениях многочисленные толпы пиратов, которым нет места на родной земле.

Ничего удивительного в этом нет. В VIII веке в Скандинавии цивилизация существовала на крошечной территории, значительно меньшей, чем географические пределы развитых европейских стран, а как проще всего исправить несправедливость суровой скандинавской природы? Ограбить богатого ближнего.

Так скандинавы и поступали.

Известный средневековый хронист Адам Бременский в своих «Деяниях понтификов Гамбургской церкви» (около 1075) писал: «Движимые недостатком дела на родине, они обходят весь мир и посредством пиратских набегов на всевозможные земли добывают богатства, которые привозят домой, восполняя таким образом неудобства своей страны» (Adam, lib. IV, cap. XXX, перевод В.В. Рыбакова и М.Б. Свердлова).

Если верить самим викингам, то причины, по которым они пускались в пиратские набеги, выглядели очень похоже, о чем и повествуют рунные камни, и заключались они в тяге к славе и богатству. Викинги любили драгоценности за их красоту, и эта любовь порождала в них алчность, особенно привлекало их серебро, которого в Скандинавии не было. А прибрежные рынки Западной Европы к IX веку действительно внушали зависть любому: они были буквально завалены предметами роскоши. Содержимое многих шведских захоронений того времени свидетельствует об этом.

К тому же сильных мужей Скандинавии всегда влекло море. Никогда не путешествовали они посуху, ежели можно было добраться до места по воде. Северные воины отточили свое искусство в кораблевождении настолько, что гонимые ветрами и одетые пеной корабли осмеливались заплывать все дальше и дальше в открытое море, к неведомым берегам и гаваням. Таким образом викинги исходили вдоль и попе-

рек все доступные в те времена земли и набрались огромного опыта. На своих кораблях под полосатыми или красными парусами, украшенных резными головами драконов и хищных зверей на высоко вздымавшихся форштевнях, викинги надолго нарушили покой Западной Европы.

Пейзаж. Фьорд. Художник Э. А. Норман

Западные хронисты называли скандинавских воинов норманнами, что переводится как «северные люди».

Адам Бременский пишет: «Даны и шведы, которых мы зовем нормданны...» Точно так же поступают и другие франкские историки. Данов, шведов, а подчас и другие народы, живущие за пределами Дании, именуют норманнами. Англий-

ские источники говорят о данах, даже когда речь идет о норвежцах и шведах. Такое заключение напрашивается.

Европейцы весьма смутно представляли себе географию северных земель, зато принимали как очевидную истину, что у скандинавов существует куда больше общих черт, нежели отличий. Именно поэтому, говоря о северянах, они без всяческих лишних раздумий и колебаний использовали в их обозначении какое-нибудь одно слово. Собирательное. Для них этого было вполне достаточно.

Именно по этой причине датские и норвежские историки до сих пор отчаянно спорят о том, чьи конкретно предки образовали герцогство Нормандия. Каждый настаивает на своем, и каждый по-своему прав.

Ирландские анналисты первыми сделали попытку классифицировать норманнов, взяв за основу принцип цветовой гаммы. «Светлых чужеземцев», пришедших с севера, они определили как норвежцев, «темных чужеземцев» – как данов, другим народам Севера места в этом делении не нашлось. Правда, нужно сказать, что успеха они не добились, больше ни в одной стране такая классификация не прижилась.

Среди викингов было немало мастеров рукопашного боя. Они владели многими видами оружия: мечами, топорами, копьями и кинжалами. Постепенно у их противников создавалось ощущение, что все до одного мужчины Скандинавского полуострова ночью и днем жили в постоянном состо-

янии войны, и никогда не расставались с оружием.

Вооружение викингов, как вы уже поняли, было простым и необременительным: деревянные щиты, копья, дротики, топоры или чеканы, боевые ножи, лук со стрелами, длинные узкие обоюдоострые мечи, кольчуги, круглые или конические шлемы с надбровьем или забралом. Любимым оружием считались топор и секира. Оружие, похожее в употреблении. Именно с него начиналось обучение будущих воинов, поэтому владели им все без исключения. Вес секиры достигал 9 килограммов, длина рукоятки доходила до 1 метра. Причем рукоятка была окована железом, что делало удары, наносимые по противнику, максимально сокрушительными.

Что касается мечей, то тут тоже наблюдалось некоторое разнообразие, например, мечи с одинаковой длиной клинка имели рукояти под одну или две руки. Бывали случаи, когда, закинув щит за спину, викинги брали меч в две руки и рубились. Вполне возможно, это было по той причине, что мечи викингов были очень тяжелыми, иногда во время длительного боя его приходилось держать обеими руками, в таких ситуациях ответные удары противника отражали щитоносцы.

Мечи имели гарды и навершия (части эфеса, предохраняющие кисть руки), как правило, имели правильные геометрические формы, делались из железа и украшались накладками из меди или серебра. Навершия зачастую были снабжены крюками, которыми можно было атаковать, отведя в сторону основной клинок противника. Длина их в среднем

составляла 90 сантиметров, они имели характерное сужение к острию и глубокий желоб вдоль клинка. Лезвия изготавливались из нескольких железных прутьев, переплетенных между собой, которые во время ковки сплющивались воедино. Такая техника делала меч гибким и очень прочным.

Среди мечей особо ценились булатные, которые менялись на драгоценные металлы по весу. Такие мечи передавались из поколения в поколение и наделялись сверхъестественной силой. Это оружие очень берегли, храня его в деревянных или кожаных ножнах. Мечам даже специально присваивались звонкие имена. Украшения клинков, выдавливаемые в процессе ковки, были незатейливы и представляли собой либо простые орнаменты, либо имя хозяина.

Мечи могли иметь только зажиточные викинги, обладающие к тому же недюжинной силой.

Копья викингов были двух типов: метательные и для рукопашного боя. У метательных копий длина древка была небольшая с закрепленным на нем металлическим кольцом, обозначавшим центр тяжести и помогающим воину придать броску правильное направление. Копья, предназначенные для сухопутного боя, были массивными, с длиной древка 3 метра. Для строевого боя использовались четырех – пятиметровые копья, а, чтобы они были подъемными, диаметр древка не превышал 2,5 сантиметра. Изготавливали древки в основном из ясеня и украшали аппликациями из бронзы, серебра или золота.

Стрелы VII–IX веков имели широкие и тяжелые металлические наконечники. Лук делался из одного куска дерева, обычно тиса, ясеня или вяза, тетивой служили сплетенные волосы.

Щиты обычно не превышали 90 сантиметров в диаметре и делались из одного слоя досок толщиной 6—10 миллиметров, скрепленных между собой, а сверху покрывались кожей. Прочность этой конструкции придавали умбон, рукоять и обод щита. Что такое умбон? Это полусферическая или коническая железная бляха, защищающая руку воина, обычно их прибивали к щиту железными гвоздями, которые с обратной стороны заклепывались. Рукоять для удерживания щита делалась из дерева по принципу коромысла, она пересекала внутреннюю сторону щита – в центре была массивной, а ближе к краям становилась тоньше. На нее накладывалась железная планка, часто инкрустированная серебром или бронзой. Для усиления щита по краю проходила металлическая полоса, прибитая железными гвоздями или скобами и сверху прикрытая кожей. Кожаный покров иногда раскрашивали цветными узорами.

Защитные кольчужные рубахи – бирмы, состоящие из тысяч переплетенных колец, представляли для викингов большую ценность и тоже передавались по наследству. Понятно, иметь их могли позволить себе только богатые викинги. Большая часть бойцов в целях защиты носили кожаные куртки или кожаные панцири, а порой обходились даже без них.

Поножей или наручей викинги не признавали.

Шлемы викингов – металлические и кожаные – имели или закругленную верхушку с щитками для защиты носа и глаз, или заостренную – с прямой носовой планкой. Накладные планки и щитки украшались чеканками из бронзы или серебра. Рогатые шлемы никогда в бою не применялись, это вещь чисто ритуальная.

Сражались викинги под рокот бубнов или грохот барабанов, что производило дополнительное воздействие на психику врага, а управление в бою и отдача команд осуществлялась не только голосом, но и с помощью боевых рожков, а также сигнальных стрел.

Среди викингов выделялся особый тип бойца, их называли берсерками. По толкованию некоторых исследователей, Berserker (берсеркер, берсерк) переводится как «медвежья шкура» или «в медвежьей шкуре». Но это выражение не точное и не единственное.

Берсерки обладали не только дикой отвагой, но и страшной силой и несокрушимой мощью. Они всегда шли напролом, не уклоняясь и не отступая. Любая попытка встать им поперек дороги приводила их в злобное исступление. Именно в такие моменты на губах берсерков выступает пена, и они начинают нервно кусать край щита.

В рассказах о ранней истории Скандинавии подтверждение такому поведению берсерков найти несложно: в «Саге об Инглингах» можно найти описание, что в бою берсерки

«рвались вперед без доспехов, грызли края щитов как бешеные собаки или волки, пуская пену изо рта, и были сильными, словно медведи или быки. Они убивали врагов с одного удара, но ни огонь, ни железо не могли ранить их самих. Они нападали стаями с ужасными воплями и воем, как дикие звери, и никто не мог их остановить».

Скальд Торбьерн Хорнклов в своей драпе (длинном стихотворении) о победе короля Харальда Прекрасноволосого в битве при Хаврсфьорде состоявшейся предположительно в 872 году, сказал следующее: «Берсерки рычали, / битва кипела, / облаченные в волчьи шкуры были / и потрясали мечами».

Правда, их легендарная неуязвимость была точно очерчена простой и любому понятной формулой: берсерка нельзя ранить железом, и сжечь его тоже нельзя, зато можно на смерть забить крепкой дубиной, что часто и делалось. Если с мечами и были проблемы, то дубин было в избытке, и при необходимости найти крепкую дубину труда не составляло.

Саксон Грамматик связывал любое странное явление с колдовскими чарами, поэтому полагал, что ярость берсерков вызывалась напитком троллей. Сейчас это представляется невероятным, но до какого-то времени это объяснение многих устраивало. Никто не сомневался, что тролли могут запросто сварить что-то подобное. Со временем это объяснение перестало быть убедительным, а интерес к феномену остался.

В 1784 году С. Эдман, сославшись на обычаи некоторых восточносибирских племен, высказал догадку, что и берсерки одурманивали себя настоем из мухоморов. Эта догадка так и не подтверждена никакими фактами, ибо в сагах нет упоминаний о психотропных средствах, но сама по себе теория понравилась и имеет немало сторонников до сих пор.

Разговоры на тему «Берсерки и мухоморы» продолжают-ся, и сторонники этого утверждения находят соблазнительные параллели между буйством берсерков под воздействием напитка из мухоморов и действиями, вызванными гашишем, грибами и современными наркотиками.

Так же расходятся и оценки, которые дают берсеркам.

В сагах о древних временах берсерки – отборные воины, телохранители короля (самый известный например – «Сага о Хрольве Жердинке»), но в родовых сагах, или в сагах об исландцах, они только мародеры и насильники.

В «Круге земном» («Историях норвежских королей», которые служат основным источником для скандинавских историков) Снорри Стурлусона есть такой отрывок: «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнем, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка». Снорри Стурлусон практически открыто причис-

ляет берсерков к людям одноглазого Одина.

У Николая Михайловича Карамзина по поводу достоверности рассказов Снорри сложилось, в отличие от историков скандинавских, совершенно иное мнение. «От летописей, достойных уважения, надобно отличать исландские саги, или сказки, весьма недостоверные».

Не могу с ним не согласиться. Использовать саги можно, и даже нужно, но уповать на них как на истину, тем более истину в последней инстанции, как минимум неразумно. Ибо кто отличит в них ложь от истины? Тут можно опираться только на логику, сходство действий людей в похожих обстоятельствах, сопоставление фактов и, конечно же, здравый смысл.

Но вернемся к берсеркам.

Пишут, что во время боя берсерк мог прийти в такое иступление, что его сила увеличивалась многократно, к тому же он при этом не замечал физической боли. Когда число сражающихся невелико и личные качества отдельных бойцов выходят на передний план, это большой плюс для предводителей, на чьей стороне сражались берсерки. При удачном стечении обстоятельств берсерк в одиночку мог решить судьбу отдельно взятой схватки. Да и напугать противника мог прилично. Но, как известно, в каждой бочке меда имеется своя ложка дегтя, и ложка эта была весьма приличной. Дело было в том, что в бою берсерк до такой степени не мог контролировать собственные действия, что становился угрозой не только для чужих бойцов, но и готов был перегрызть

глотку своим же родичам или тем, кто сражался в данный момент с ним на одной стороне. От охватившей его неопишущей ярости и ненависти, усиленных всепоглощающим страхом, вызванным действием галлюциногенных веществ, берсерк крушил все подряд.

Это были не видения из ночных кошмаров, это была реальность.

Может быть, именно поэтому под термином «берсерк» со временем стал подразумеваться такой воин, который был подвержен приступам бешенства и необузданной ярости.

Срок жизни, отпущенный берсеркам, обычно был невелик, но они расставались с ней с легкостью.

А чего было горевать, если они твердо знали, что героически павших в битве валькирии приглашают в чертоги Одина, где расставшиеся с жизнью берсерки, днем восстав из мертвых, вновь предаются своей военной потехе (сражаются и убивают друг друга), а ночью даже те, кто погиб, оживают и веселятся.

Но Один привечал в своих чертогах не одних берсерков. Туда стремился после смерти попасть каждый уважающий себя норманн.

Неудивительно, что при такой философии почти три столетия – с конца VIII до второй половины XI в. – викинги своей отвагой, агрессией и быстротой наступательных операций вселяли ужас в народы Западной и Северной Европы, Африки, и Средиземноморья и становились постоянным бед-

ствием. Поистине, поразительно, какие колоссальные территории они держали в страхе.

Корабли викингов появлялись всегда неожиданно и приближались к берегам противника так стремительно, что оказать организованное сопротивление просто не хватало времени. Преграды, казалось, рассыпались перед ними, как мел. Хорошо вооруженные бесстрашные северные воины, охваченные жадой добычи и возглавляемые отважными и предприимчивыми вождями, в открытой схватке, без всяких хитростей военных, легко рассеивали неорганизованные толпы крестьян, не знавших военного дела и приученных больше обращаться с плугом, граблями и другими сельхозинструментами, а не с мечом и копьем.

Поэтому все попытки оказать викингам сопротивление поначалу были безуспешны.

Выбор был невелик: бежать или умереть, но умирать не хочет никто. Поэтому при первых же признаках приближения жестоких варваров, несущих только слезы, горе и страдания, жители, бежали сломя голову, покидая обжитые места, оставляя дома пустыми и темными, без единой души поблизости. Как свора псов, война, пожар и голод обрушились на города и деревни, еще совсем недавно в мире и покое.

Но если бежишь от беды, она сама бежит тебе навстречу. Викинги были настырны, они жестоко преследовали спасающихся от их ярости людей, со звериной лютостью отнимали у них последнее добро и обращали их в рабство. Викин-

ги были храбрым народом, но могли быть и злобно-жестокими. О них говорили как о самых кровожадных тварях этого мира. Все, что они не могли захватить с собой, безжалостно уничтожали: убивали скот, сжигали дома.

Беглецам начинало казаться, что, куда бы они ни скрылись, ненависть викингов настигнет их везде.

Просьбы о пощаде и мольбы, обращенные к Богу, склонившихся перед крестом и энергично молящихся людей не имели никакого действия. Их крики заглушали голос моря, но ничто не могло спасти от занесенного для смертельного удара боевого топора. Воины, суровые, небрежные в одежде, с боевыми секирами в руках, не знали жалости и были чуждыми христианству и милосердию. Они могли с одинаковым хладнокровием убить и беспомощного старика, и девушку, на щеках которой еще пылал румянец стыдливости.

Ирландский хронист из Ульстера писал о нападении, происшедшем в 820 году: «Море извергло на Эрин [Ирландию] потоки чужеземцев. Не осталось ни одного залива, ни оной пристани, ни единого укрепления, укрытия, бурга, который не был бы наводнен викингами и пиратами».

Подобным набегам подверглись некоторые районы Англии, берега Шотландии, Ирландии, Уэльса, побережья Нортумбрии. Их нападения застали врасплох население приморских районов Франции и Германии, особенно тех, в которые еще никогда не вторгалась война.

Дальше стало не лучше. Вот лишь некоторые из «подви-

гов», совершенных скандинавами.

В 834 году флотилия датских кораблей проникла в глубь континента по притоку Рейна, дойдя до одного из самых богатых рынков в Западной Европе – Дорестада во Фризии. В Дорестаде находился монетный двор, где чеканили серебряные денье, как называли разменную монету Фризии. Без труда преодолев частокол, которым был обнесен город, викинги бросились напрямик к заветной цели, на штурм рынка. Опустошив все лавки и ограбив монетный двор, они захватили пленников и, оставив за своей спиной горы трупов и сотни умирающих, ушли, предварительно предав город огню. В дальнейшем набеги на Дорестад стали чуть ли не привычным делом. Вплоть до 837 года викинги возвращались сюда ежегодно.

В 839 году норвежский конунг Тургейс, прибывший в Северную Ирландию во главе большого флота, провозгласил себя, по словам западноевропейского хрониста, «конунгом над всеми чужестранцами в Эрин». Правда, порадоваться ему пришлось не так долго, как бы ему хотелось. Горе и отчаяние быстро поразили всех, кто попал под его власть. В 844 году вспыхнуло восстание местных жителей, утомленных властью иноземцев, и норвежский правитель был утоплен в море.

В 841 году датчане поднялись по Сене почти до самого Парижа. «...на рассвете 13 мая 841 года ошеломленные монахи наблюдали», как украшенные дьявольскими изображениями

ями драконов корабли в утренней тишине поднимаются по Сене. В Руане скандинавы задержались всего на пару дней, чтобы разграбить и поджечь город, после чего продолжили свой поход, «развлекаясь разорением церквей и аббатств», как написано в анналах, унося с собой распятия с драгоценными камнями, рукописи с красивыми рисунками и золотые детали алтарей. Вскоре все дороги заполнили толпы монахов и горожан, бежавших в страхе перед боевыми топорами, мечами и копьями захватчиков.

В 842 году ими же был разграблен один из важных пунктов торговли с Англией – Квентовик.

В 842 году викинги захватили и сожгли еще один торговый пункт – Нант.

24 июня 842 года, в святой праздник в честь рождения Иоанна Крестителя, жители города слишком увлеклись увеселениями и не заметили, как корабли викингов скрытно приблизились к городским стенам. С неописуемой жестокостью скандинавские наемники Ламбера набросились на пирующих горожан и искромсали их на куски. Служителей церкви тоже не щадили. Викинги зарубили епископа у алтаря его собственного собора и подожгли колокольню. В сумерках они спустились на веслах к устью Луары; к этому времени их корабли уже тяжело оседали под грузом собранной за день добычи.

В 844 году флот викингов, состоявший примерно из ста кораблей, отплыл из Аквитании к северному побережью Ис-

паний и сделал попытку высадиться на побережье Галисии. Но не удалось. Однако, продвигаясь на юг, скандинавы за две недели подвергли разграблению Лиссабон, Кадис и атлантическое побережье Марокко. Затем они поднялись по Гвадалквивиру до Севильи – главного порта испанских мавров, завоевавших большую часть территории Испании к 711 году. Захватчики полностью разорили город, грабя мечети, убивая мужчин и уводя с собою женщин в качестве наложниц. Арабский историк аль-Якуб называя их маджус – неверными, язычниками, пишет о нападении на Севилью: «Аль-маджус, которые зовутся ар-рус, ворвались туда, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали». «Море, казалось, наполнили темные птицы, – добавляет другой арабский хронист, – сердца же наполнились страхом и мукою».

Мавры терпели недолго и ответили нападавшим весьма достойно, обстреляв скандинавский флот судами с горячей нефтью и потопив 30 кораблей захватчиков. Это была победа! Эмир Абд-аль-Рахман II повесил захваченных в плен викингов на финиковых пальмах Севильи.

Союзникам в Северную Африку гордый своим деянием арабский эмир послал двести отрубленных скандинавских голов, в том числе голову их предводителя. Это должно было послужить лучшим доказательством того, что Аллах помог ему уничтожить свирепых маджус в отместку за их злодеяния, переполнившие чашу его терпения. Память об этом поражении в течение полутора десятков лет удерживала ви-

кингов от следующей экспедиции в арабские воды.

В 845 году викингами-датчанами был разграблен и сожжен Гамбург. Архиепископ по имени Ансар, названный Апостолом Севера, бежал из города вместе с монахами, а вот его прекрасная библиотека погибла в огне.

В это же время легендарный викинг Рагнар (или Регнар, как кому больше нравится) Лодброг и его флотилия из 120 кораблей вторглись в Северную Францию и, поднявшись по Сене, захватили Париж.

Все случилось в середине марта. Карл Лысый, ставший королем западных франков буквально два года назад, узнав, что к городу приближается флот Рагнара, спешно собрал армию, готовясь дать врагу решительный бой. Стратегия, судя по всему, не была его сильной стороной. Он неразумно разделил свою армию на две части для обороны обеих берегов Сены. Но викинги Рагнара действовали более разумно, чем их противник, они, пользуясь сложившимися обстоятельствами, сначала разбили меньшую группировку неудачливого монарха, захватив при этом 111 пленников. А потом, устроили перед второй частью франкской армии, отрезанной от них, страшное представление. Рагнар принес только что захваченных пленников в жертву Одину, повесив их на виселицах, наспех сооруженных на берегу реки. Франкским воинам оставалось лишь наблюдать за этим действием. Дальнейшего сопротивления Рагнар не встретил. 28 марта, в Пасхальное воскресенье, он опустошил Париж. Чтобы толь-

ко датчане ушли Карл предложил им неслыханный выкуп в 7 тысяч фунтов серебра. Те согласились. И Рагнар, сжимая в руках перекладину от городских ворот Парижа, захваченную в качестве сувенира, покинул город. Его корабли буквально ломились от франкского серебра.

В 859 году красные паруса викингов появились в водах Западного Средиземноморья, у берегов Испании, Балеарских островов, Марокко и в устье Роны. Они даже поднялись по ее течению на 260 километров.

В 859 году престарелый датский пират Бьерн Железнобокий вернулся в Иберию во главе флота из 62 кораблей с форштевнями в виде драконов. Пройдя Гибралтарский пролив, его войско разграбило сокровищницы большой мечети Аль-хесираса, после чего пронеслось ураганом по Северному Марокко, захватив рабов на продажу. Затем разбойники опустошили южное побережье Франции и отправились вдоль итальянского побережья к устью реки Арно, по пути разорив Пизу, Луну и Фьезоле. Судя по арабским источникам, датчане в конце концов достигли берегов Греции и Египта.

В 860 году норвежцы под предводительством вождя по имени Хастинг разграбили Пизу (Северная Италия).

В 861 году викинги добрались до Пампелуны в Пиренеях и захватили в плен местного правителя.

В 866 году норманны захватили Йорк, казнив короля Нортумбрии Эллу. Датский историк конца XII века Саксон Грамматик повествует, что сыновья Рагнара Лодброга яко-

бы отомстили королю Нортумбрии за то, что он погубил их отца, попавшего к нему в плен и брошенного им в яму со змеями. Но это – позднейшая легенда, сколько в ней правды, никто не знает, а вот то, что с независимостью Нортумбрии – королевства на Севере Англии – было покончено, это факт.

В 870 году датское войско вторглось в Уэссекс. Его возглавляли восемь конунгов и около двадцати ярлов, а весь флот состоял из нескольких сот кораблей.

Среди северных конунгов были такие легендарные вожди, как Бьерн Железнобокий, Ивар Бескостный, Сигурд Змееглазый, Хальфдан, а также Ивар и Убба Рагнарссоны, братья Хальфдана. Под шлемами их воинов хмурились злые жестокие лица, мечи висели на поясах, готовые в любую минуту покинуть ножны, а в руках имелись крепкие топоры.

В тот год великие замыслы Хальфдана были близки к исполнению, но англосаксы были не робкого десятка и не утратили отваги, им удалось остановить наступление викингов.

Военные действия шли с переменным успехом. Правителям Уэссекса, братьям Этельреду и Альфреду, удалось нанести поражение противникам. Говорят, то была великая битва. Согласно англосаксонской хронике, датчане сражались против англосаксов девять раз, в том числе в битве при Эшдауне 8 января 871 года. Это сражение долго не начиналось, хотя обе стороны рвались в бой. Причина была в том, что король Этельред I не хотел вступать в сражение, до тех пор пока не закончатся обедня и торжественное богослужение.

Около пяти часов его младший брат Альфред находился на коне во главе войска и сдерживал его. Наконец появился король и дал сигнал к началу сражения. Англосаксы сражались отчаянно. Исход долгой и кровавой битвы решила отвага Альфреда. Один конунг викингов и пять ярлов были убиты. Хальфдан так и не смог завоевать Уэссекс и вынужден был заключить перемирие с Альфредом Великим, новым королем Уэссекса. Враг был посрамлен, и в сердцах людей вновь пробудилась надежда, однако значительная часть Англии вместе с Лондоном находилась в руках датчан.

Осадой Гента началось тринадцатилетнее хозяйничанье норманнов во Фландрии и примыкающих областях Франции, на Рейне и Мозеле. Хронист, рассказывая о бедствиях, обрушившихся на население, восклицает: «Отчаяние охватило франков: казалось, что христианскому народу пришел конец». Злосчастный край своими набегами терзая, викинги осаждали крепости и замки, и вся страна, лишенная защиты, перед таким буйным противником трепетала.

Жестокость викингов прославилась. Неприученные бояться за свою шкуру, недоверчивые и кровожадные, коварные и жестокие, викинги, чаще одерживали победы, чем терпели поражения. От них не было спасения, не было надежной защиты, поэтому скандинавы в короткий срок снискали себе славу непобедимых.

«Все больше кораблей, все шире нескончаемый поток викингов, – писал монах Эрментариус в 60-х годах IX века. –

Повсюду паству Христову режут, жгут и грабят».

Пораженные легкостью, с которой викинги достигали своих целей, хронисты значительно преувеличивали численность воинов и кораблей. Любившие море и не боявшиеся его, северные народы стали настоящей головной болью для более цивилизованных государств.

Духовенство, ввергнутое в бездну отчаяния, молилось: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»

Как описывали викингов западноевропейские хронисты и с какими чертами они вошли в историю, уже понятно.

У викингов на этот счет было другое мнение. «Это же разбойничество тогда не за бесчестное почиталось, что принцы не для обогащения то чинили, но для показания себя, что могут добрыми вождями и владетелями быть» (В.Н. Татищев).

Так что и сейчас есть те, кто видел и будет видеть в них героев, ведь доблесть, которую они проявляли, будут помнить и в грядущих веках. Тут каждый вправе сам сделать свой выбор.

Можно добавить лишь то, что «подвиги», совершенные викингами, отнюдь не выглядят чем-то исключительным: война, грабеж, истребление населения были повседневной действительностью Европы в раннее Средневековье. Да и в остальном мире происходит все в точности то же самое.

Но западные хронисты приписывали викингам все бедствия, испытываемые населением, каковы бы ни были ис-

тинные их причины. Приговор, который они вынесли севе-
рянам, прост и понятен: викинги – это гнусные грабители и
наильники.

Вернемся к походам викингов.

То, о чем вы только что прочитали, далеко не полный пе-
речень совершенных викингами походов в этот период. Как
вы успели заметить, практически все это Европа, и по боль-
шей части Европа Западная. А какая информация у нас о
походах викингов на Русь?

Как вы видите, упоминаний насильственного проникно-
вения викингов на восток Европы, о Руси и ее территориях,
а также славянских городах и княжествах здесь нет, а ведь
расстояния, разделяющие нас и викингов, не так уж вели-
ки. Но про земли славян ничего интересного не сообщается
в западных хрониках. Возможно, это было им неинтересно.
Возможно. Но про Прибалтику информацию найти можно.

Например, согласно сообщению архиепископа Гам-
бург-Бременского Римберта (автора «Жития святого Анс-
гара»), лично побывавшего в Швеции, вечно воинственное
племя куршей было около середины IX века подчинено шве-
дами, но затем восстало и освободилось от их власти. Еще
архиепископ Римберт упоминает о походе шведского конун-
га Олуфа, который, по его словам, сжег пункт под назва-
нием Зеебург («морская крепость»), где якобы находились
не менее 7 тысяч воинов. Цифра явно завышенная. Но, как
археологическими, так и другими письменными данными,

подтверждено, что шведская экспансия на южное побережье Прибалтики началась задолго до эпохи викингов.

Высадка викингов в Дублине. Художник Дж. Уорд

Ничего удивительного в этом нет. Плавание по Балтийскому морю было делом не сильно сложным, и вполне естественно, что шведы легко пересекают его и основывают опорные пункты на южном его побережье.

Возникает вопрос: что было нужно здесь именно шведам? Ведь веселого грабежа при заметном обогащении в этих местах никак не получалось. Может быть, шведы, злобные и коварные, пришли распространить власть своих королей на берега и земли, лежащие на Востоке? В чем интерес викингов к этому региону?

А интерес у них был, и интерес нешуточный.

Отсюда шведские торговцы и воины двигались на Днепр по Западной Двине (Даугаве) и по Днепру шли к Черному морю, в Византию. Был и другой вариант – через Финский залив, по Неве, в Ладожское озеро, к Старой Ладоге, расположенной при впадении Волхова в Ладожское озеро, и из нее – к верховьям Волги. А уже по Волге путь их лежал в Каспийское море, к Арабскому халифату.

У кого-то из читателей уже наверняка возник вопрос: почему я так много времени и места отвожу разбойным деяниям викингов, ведь наша книга о Руси и варягах?

Ответ прост. «Викинги» и «варяги» – слова-синонимы. То есть это одни и те же народы, одни и те же нации, одни и те же люди.

«Во Франции “северные люди” были известны под именем норманнов, в Англии их звали датчанами, независимо от того, из Дании или Норвегии они приплывали на своих быстроходных кораблях. В Ирландии их называли финнгалл («светлые чужеземцы» – норвежцы) и дубгалл («темные чужеземцы» – датчане), в Германии – аскеманнами, в Византии – варангами, на Руси – варягами».

Все нации и народности без лишних раздумий используют для обозначения скандинавов какое-нибудь одно собирательное название. Это вполне объяснимо. Тем, кто, исполненный праведным гневом или, наоборот, полный неизбывной печали, описывал злодеяния, которые творили в их кра-

ях северяне, было совершенно безразлично, из какого конкретно они фьорда, или из какого конкретно народа и клана явились эти чудовища.

Это никакой не секрет, и никакая не новость. Как говорится, это всем давно известно и никому уже не интересно. Вот только для данной книги это важный факт, и мы его зафиксируем.

Глава 2

Варяги

Перейдем к варягам.

По мнению большинства историков, несколько столетий назад на Руси словом «варяги» называли вообще всех неславянских пришельцев «из-за моря», из северо-западных стран. Действительно, во многих отношениях даны, шведы и норвежцы говорили на одном языке, исповедовали одну религию, соблюдали одни законы. У них были общие героические песни и исторические предания. Важно заметить, что «северный язык» был в ходу только на определенной, достаточно небольшой территории, и заканчивался там, где кончались норманнские земли. Со славянским он имел мало общего.

Выступление в поход. Варяжское море. Художник Н.К. Рерих

А летописец так прямо и пишет, что «по Варяжскому же морю сидят варяги».

«Ясно, что это имя у него есть общее: варяги живут по Балтийскому морю к востоку, до предела Симова, и к западу, по тому же морю живут до земли Английской – вот границы варягов! Мы знаем, и летописец знает, что в этих пределах живут шведы, норвежцы, готы, летописец их именно и называет до англичан. Итак, варяги летописца суть скандинавы», – продолжает мысль летописца С.М. Соловьев.

А дальше было неважно. Ведь все они были на одно лицо. Кому было нужно отделять свеев от финнов, а данов – от фризов? Да и зачем? Если славяне уже окрестили всю эту опасную братию словом «варяги», объединяющим всех скандинавов воедино. И термин это собирательный.

Дальше все как обычно: название понравилось, прижилось и несколько расширило свое значение. Так стали называть и наемников, ищущих хорошо оплачиваемой службы и стабильного заработка. За смелость и мужество нужно платить щедро, за верность тоже, и это продававшие свой меч бойцы знали хорошо. Чаще всего это были конунги, которым по разным причинам не осталось ничего, кроме меча, и которые, набирая дружину, пускались к соседним берегам добывать себе этим самым мечом славу и богатства. Багровый пламень заменял им сердца, и каждый из них стремился завоевать себе место под солнцем. Их воины, закаленные суровой походной жизнью, непривередливые в быту, с легкостью переносящие неудобства и лишения. А такие бойцы нужны всем, кто готов за это платить, особенно тем государям, кто часто воюет с соседями. И богатые правители не скупились, покупая золотом верность норманнов.

Словарь Брокгауза и Ефрона определяет понятие «варяги» именно с этих позиций: «Варяги – Варяги, поздн. варег, визант. варанги, скандин. вэринги (vaeringjar), арабск., грузинск. варанг, латинск, varingi. – Этим именем обозначались первоначально выходцы из Скандинавии, отчасти дружинники, поступавшие в русскую и византийскую военную службу, отчасти купеческие гости. Мало-помалу это название стало служить для обозначения католической веры и скандинавов вообще. В России под этим именем по преимуществу разумелись шведы (еще в XVII веке)».

Почему именно шведы, об этом будет разговор чуть позже. Это тоже вопрос для нашей книги немаловажный, и мы его еще коснемся.

Подведем промежуточный итог.

Итак, варяги – выходцы из Скандинавии, и не конкретно, какая-то отдельная народность, а все в целом. Практически по географическому принципу: шведы, даны, норвежцы, квены, белги, готы (с острова Готланд), а также англы и фризы. То есть те же викинги.

Ничего нового в том нет. Так происходило в прошлых столетях, происходит и в наше время. Мало кто из россиян отличит с большой долей вероятности литовца от латыша, а латыша – от эстонца. Да и не нужно. Всех им мы называем одним словом: прибалты. Это, так сказать, в разговорах, в быту. То же самое с таджиками, туркменами и узбеками. Их ведь всех тоже мешают в одну кучу и называют одним словом, невзирая на национальность. То, что так было всегда, подтверждают и классики.

Выдающийся русский писатель Николай Васильевич Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» писал: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец».

То же самое было и при Петре I, когда немцем именовали даже петровского друга, шотландца Гордона. Недосуг было разбираться в его принадлежности. Шотландец он или ирландец, а может, и голландец, но для русских он немец.

С этим определением вопросов больше возникнуть не должно. Но тут на повестке дня встает другой вопрос, на который ответ можно найти далеко не всегда: почему на Руси и в Византии всех «северян»-викингов объединило именно это название?

А отсюда резонно напрашивается следующий: что конкретно это название может обозначать?

Тут нам на помощь незамедлительно приходит Татищев: «Еще же и сами шведы о себе рассказывают, что они варги, или варяги, издревле именовались, как в Библиотеке шведской, внятнее показано, что варг зовется волк, а образно разбойник». Дальше он дает более подробное разъяснение, развивая свою мысль: «И здесь то во внимание принять надлежит, что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля. Ибо скандинавцы почти беспрестанно в морском разбое упражнялись, отчего варгами и отчество их Варгион, или Варггем, могло называться». И в заключение своей мысли приводит следующее соображение: «И это, как сам промысл разбойничества, так имя варг и варгион не было поносное или зазорное, как Библиотека шведская и Страленберг о том показали».

«Что сего имени касается, то оное не конкретно Швеции, но из разбойничества на море данное, то равно и финнам могло оное по тому же промыслу дано быть, ибо разбойников волками едва не всюду именовали, как например видим в Вандалии народ готический варги и предел Варгия, а сла-

вянами испорчено вагры и переведенно волчьи именованы».

Волк, или разбойник, – вот самое точное определение, объединяющее в понятии славян все северные народы.

Есть еще много различных толкований варяжского имени, но их мы рассматривать не будем, за неимением интереса. Упомянем лишь об одном из толкований слова «варяги», как наиболее неожиданном. У Н.М. Карамзина можно найти следующий пассаж: «Некоторые (видимо, историки. – *Прим автора*) хотели производить его от Финского слова Варась, т. е. вор: ибо не только Скандинавские витязи, но и самые Короли их не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эстонию. На пример: «Король Гейдерих с сильным войском разбойничал на восточных берегах моря Балтийского,» сказано в *Hervarar Saga*, гл. XIII. Финны конечно могли так назвать их; но трудно вообразить, чтобы сами Норманы приняли сие бранное, чужеземное имя и назвались им в России, где Князья их властвовали, и в Константинополе, где они хранили дворец Императоров» (Н.М. Карамзин).

Могу только согласиться с уважаемым историком и его логикой.

Кстати, «волк», в отличие от слова «вор», ни уничижительным, ни откровенно бранным не выглядит, есть в этом определении и гордость, и сила, то, что должно внушать страх и уважение окружающим. В этом названии есть определенная степень бравады, что так любима северными народами. К тому же волк, пожалуй, единственный из хищников,

кто нападает на добычу, которая много крупнее его.

Будем считать, что итог определения понятия «варяги» нами подведен. «Перейдем теперь к точнейшим указаниям нашего начального летописца о расселениях восточных славянских племен, вошедших в состав Русского государства» (С.М. Соловьев).

Для чего нам это нужно? Для того чтобы понять суть начального конфликта и соприкосновения варягов и славян.

Глава 3

Славяне

Пришла пора поговорить о славянах. Но как можно представить в коротком обзоре жизнь большого народа, дух государства, и волнение давно минувшего времени? А посему всю историю славян от начала времен ворошить не будем. Незачем. Вспомним основные вехи. Чтобы освежить память.

Большую часть информации нам представляют древние легенды, относящиеся ко временам, когда славяне обитали еще на берегах Дуная. Но легенда легенде рознь. Как пример приведу одну из таких, не особо часто в трудах историков встречающуюся, а потому в зубах не навязшую и довольно интересную как трактовка. Хотя, сказать по совести, больше всего она напоминает сказки индейцев Южной Америки или мифы Древнего Египта.

Как говорит Н.М. Карамзин: «Предлагаем здесь выписку из оных для любопытных».

Итак.

«От правнука Иафетова, Скифа, произошли пять братьев и Князей, именем Словен, Рус (самые мудрейше и храбрые), Болгар, Коман, Истер. Все они жили на берегах Черного моря до 3099 году от С.М. В сие время Словен и Рус с народом своим оставили древнюю отчизну, ходили по странам, обо-

зревали безмолвные пустыни как орлы быстрокрылатые, 14 лет искали селения по сердцу своему, и наконец пришли к озеру Мойску. Тогда волхвование открыло им, что сие место должно быть для них отечеством. Словен поселился на реке Мутной, основал город Словенск, и назвал реку Мутную Волховом, проток ее Волховцем (по имени двух сыновей), другую реку Шелоною, а озеро Ильмером (в честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры). Старший сын был лютый чародей, принимал на себя образ крокодила, скрывался в реке, топил и пожирал людей, не хотевших обожать его как Перуна. Он жил в особенном городке на берегу реки, в том месте, которое именуется Перынью, и где язычники поклонялись ему. Они уверяли, что Волхов сел в боги; но мы знаем, что бесы утопили его в реке. Над телом злого чародея, волнами изверженном в Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая через три дни провалилась в ад. Именем Волховцева сына, Жилотуга, назван особенный проток реки Волхова, где он утонул младенцем. Скоро ужасный мор опустошил землю Словенскую; остальные жители ушли на Белые воды, т. е. Белозеры, или Тинное озеро, и назвались Весью; другие на Дунай, к древним племенам своим; а в Словенск и в Русь обитали тогда одни дикие звери. Через некоторое время Словени возвратились на берега Волхова и привели с собою многих Скифов и Болгаров; но скоро Белые Угры явились в страну их и разорили оную до конца. Тогда Словени Черноморские, услышав о запустении

отечественной земли своей, опять пришли туда с бесчисленным множеством Скифов, Болгаров и всяких иноплеменников, поставили новый город, от старого Словенска вниз по Волхову с версту, дали ему имя Великого Новаграда, и выбрали старейшину, Князя Гостомысла. Некоторые из них назвались Полянами, другие Кривичами, Сербами, Болгарами, Чудью, Мерею, Лопью, Мордвою; земля Русская, свергнув в себя ризы сетования, облеклась в порфиру и виссон, уже не вдовствуя, но опочивая много лет с мудрым Гостомыслом. Сын его, Словен, построил в земле Чудской город Словенск, и через 3 года умер; а внук Гостомысла, Избор, переименовал сей город Изборским, и также в юности умер от жала змеи». Очень увлекательно, но совсем не познавательно.

Поневоле хочется продолжить это печальное повествование словами В.С. Высоцкого: «Вот такую притчу о Востоке рассказал мне старый аксакал, даже сказки здесь, и те жестоки, думал я...»

«И многие верили сим нелепостям!» – восклицает в недоумении расстроенный Н.М. Карамзин.

А что делать? Если такие предания существуют, значит, всегда найдется и тот, кто прочитает их не как страшную сказку, а как правдивое предание, дошедшее до нас из глубины веков, а значит, может воспринять за чистую монету и поверить.

Есть еще одно, не менее дивное, предположение, которое сообщает тайну происхождения славян.

Слишком уж это предание отзывается сказками.

Перейду сразу к делу, возьму быка за рога, без лишних предисловий. Что же в нем говорится? «Ведьмы, как мы увидим ниже, переселились именно на Черторыю, при Чертовом беремисе, и пленили собой враждебную Готам силу. Иорнанд утвердительно говорит, что вражья сила, бродя по степям (*spiritus immondi per eremum vagantes*), сочеталась с ведьмами и произвела на свет то зверское племя, которое сначала было очень ничтожно и принадлежало к числу людей, только по имени, означавшем словеных. Это сказочное предание, как мы уже заметили, напоминает и повествования Геродота о Скифах, произошедших от союза Иракла с русалкой Эхидной, полудевой, полурыбой, и о Сарматах, произошедших от сочетания благородных (*ἐλευθερων*) Скифов с Амазонками (*Ἀμαζόνες*).

Странно верить в существоваше Амазонок; но нельзя же и не верить, зная, что История полна метаморфоз. В иносказательных преданиях часто скрывается истина, как святыня от изуверов и как сокровище от хищников».

Но перейдем к рассказам о тех временах более серьезных историков. Погрузимся в глубь веков, откуда ключ жизни идет: «Славянское племя сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток, вследствие натиска какого-то сильного врага». Случилось это дело в VII веке.

Данные археологии подтверждают начало миграции славян на восток именно в это время.

О самих скитаниях славян известно мало. Но нас интересуют не столько сами скитания, сколько конечная цель их похода.

Куда они отправились?

«Одни сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах; далее сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; некоторые сели на Двине и назвались полочанами, от имени речки Полоты, впадающей в Двину. Часть славян села также около озера Ильменя и прозвалась своим именем – славянами, эти славяне построили город и назвали его Новгородом, остальные славяне сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером или северянами».

Но и это был еще не конечный итог: «...от полочан» расселились кривичи по верховьям Волги, Двины и Днепра – «от них же кривичи», от кривичей на юг, по Днепру и его притокам – северяне. Следовательно, если принимать буквально известие летописца, то выйдет, что славянское народонаселение двигалось по западной стороне Днепра на север и потом спускалось на юг по восточной стороне этой реки. О других племенах – дулебах, бужанах, угличах и тиверцах, радимичах и вятичах – летописец сначала не упоминает ни в первом, ни во втором известии».

«Каждый жил с своим родом, отдельно, на своих местах,

каждый владел родом своим».

«У восточных славян, очевидно, не позже VIII века появились свои княжения. У полян было свое княжение, у древлян – свое, у дреговичей – свое, у славян – свое в Новгороде, у полочан – свое» (С.М. Соловьев).

О других славянских племенах поговорим позже. Когда придет их черед. Вернемся к полянам. Это племя среди других славянских племен имеет для нас особое значение, потому что основанный полянами Киев со временем стал главным городом Русской земли.

Адам Бременский так и пишет: «этот столичный город Руссов Hunigard называет Chiven».

И хотя Софийская Новгородская летопись пытается уверить нас в том, что город Киев построили варяги, не поверим ей и воспримем эту запись как досадное недоразумение. Составитель просто совершенно неправильно истолковал происхождение.

О построении Киева есть и другие версии. «Стриковский и некоторые другие писатели полагают, что Киев построен около 430 года». «Но мы не видим нужды отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева Славянским Полянам (следственно не Варяги, как сказано в Софийской Новгородской и в некоторых новейших летописях, а Славяне были первыми жителями сего города)» (Н.М. Карамзин).

По мнению Нестора, Киев основан тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом, у которых была сестра Лыбедь.

«И был около града (Киева) лес и бор великий, и они (братья-жители) занимались звериным промыслом; ибо были мудры и смыслени; от них Поляне-Кыевы и до сего дни».

Из трудов польских историков, Длугоша и Стриковского, можно также узнать и другие подробности о том, что «Щек создал город Щековицу, Хорив Хоривицу или Вышегород, а сестра их город Лыбедь». Николай Михайлович Карамзин приходит по этому поводу в негодование. «Совершенная басня! Таких городов не бывало в России; и Нестор пишет, что все три брата построили один Киев» (Н.М. Карамзин). Известного русского историка легко понять.

«На речке Лыбеди стоит загородный дом нынешнего Киевского Митрополита. Сие место называется Шулявшино, окружено рощею и служит гуляньем для Киевских жителей» (Н.М. Карамзин).

*Братья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь.
Старинная гравюра*

При Киеве, продолжает Нестор, «был перевоз на ту сторону Днепра; почему и думают, что Кий был простой перевозчик. Если б он был перевозчик, то не ходил бы к Царюграду; но он княжил в роду своем (т. е. был Киевским князем). Когда он ходил к Царюграду и при котором царе – не ведаем; но ведаем только о том, по сказаниям, что он принял великую почесть от царя».

Очень возможно, что Кий назван перевозчиком только по той причине, что контролировал переправу через Днепр. Переправа через водное препятствие была по тем временам делом прибыльным. И это совершенно не значит, что Кию самому нужно было перевозить путешественников, их товары и грузы. Для этого у него были люди.

Продолжу отрывок: «При возвращении из Царьграда, ему (Кию) понравилась местность на Дунае где он и срубил небольшой городок (т. е. крепостцу) и намерен был поселиться тут с родом своим; но близ живущие воспротивились этому. Дунайцы и до ныне называют это место Городище Киевце».

Оставим пока полян с Киевом и перейдем к повествованию о славянском племени, первом из всех вступившем в тесный контакт с варягами.

Славяне ильменские – так называли жителей Ладоги и окрестных мест. Они удерживали родовое название, отличающее их от чужеплеменников-финнов, которыми были окружены. «Чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва,

пермь, печора, ямь», сюда же можно добавить не меньший список народов скандинавского происхождения. Все их соседи были сплошь инородцы.

Ильменские – потому что именно на берегах мирно спящего озера Ильмень, чьи истоки – в глубине времен и безмерности пространств и чья безбрежная водная гладь повергла в изумление пришедших славян, пришедшие основали свое первое поселение и стали жить у его тихих темных вод, отражавших яркий свет ночных звезд. Может быть, молочных рек, что текли бы между медовыми берегами по изумрудам и сапфирам, здесь не наблюдалось, серебро и золото не стлались на поверхности земли, но зато воздух был чист, небо ясно, жизнь беспредельна.

Чего же, кажется, лучше?

Славяне, прочно обосновываясь на северо-западной окраине Руси, заселили все побережье, расселяясь в лесистых поймах вокруг, на холмах и в лесах.

Со временем в этих местах оказались и шведы. Они появились на побережьях Ботнического залива и в Восточной Прибалтике, на Ладожском озере, по берегам Днепра и Волги незадолго до 839 года. Определить время их прибытия с точностью до года сложно, практически невозможно. «Сага о Инглингах» упоминает о шведских конунгах, которые ходили войной в те края. Снорри Стурлусон, главный сказочник Скандинавии на тот период, рассказывая о полулегендарном Иваре Широкие Объятия, приписывает ему власть не только

над Швецией, Данией и Нортумбрией, но и завоевание чуть ли не всей Германии, а заодно и русских земель в районе Ладоги. Однако, мне думается, вероятность подобного чрезвычайно мала. Нельзя все, что говорит Снорри, принимать за чистую монету, во многом можно и усомниться. Его главное дело – вплетать дела земные в многоцветный ковер истории, его как скальда, как истинного художника, больше волнует, чтобы история, рассказанная им, была как минимум занимательна, а уж насколько правдива она... Каждый рассказчик знает, что красиво не приврать – истории не рассказать. Снорри умел рассказывать, поэтому его имя известно и в наши дни. Может, он и не Гомер, но тем, кого интересуют старинные саги Севера, подвиги и приключения, его имя говорит о многом.

Одним словом, шведы прибыли и стали понемногу обживать. Так земли ильменских славян невольно стали граничить с разрозненными поселениями варягов, и те, закрепившись на местах, возжелали земель, занятых их соседями. Ненависть и постоянная борьба были еще впереди.

Предания молчат о том, как восприняли славяне весть о приходе нового врага. Может быть, они не испытывали ни малейших опасений, думая, что при необходимости без труда отправят пришельцев туда, откуда они пришли. За море.

Славяне, гордые и независимые, были хорошо знакомы с оружием, они готовы были дать отпор любому обидчику, будь то викинги, дикие звери или даже их собственные со-

родичи из других мест, претендующие на занятые ими территории.

Известий об этом периоде славянской истории крайне мало, они больше смахивают на легенды, однако все укладываются в общую линию того, о чем написано ранее. Настоящей дружбы между двумя народами не получилось, но некоторые выгоды от общения были.

Глава 4

Викинги и море

Шведы не сидели дома. По всей Скандинавии было в те времена множество беспокойных мужчин, жаждущих приключений и риска, мужчин, которых тянуло на подвиги, чтобы измерить силу свою и доблесть свою, не желавших мириться с застывшими рамками не только внутренних границ, но и внешних. Для Скандинавии это вообще была эпоха, породившая вождей, обладавших невероятной энергией и отвагой. Людей со страшной жаждой жизни, беззаветно любивших чужое богатство и при этом способных долгие месяцы подвергать себя лишениям, связанным с воинскими и торговыми походами. Они готовы были даже на жертвы, лишь бы избежать затхлой, по их мнению, из-за своей неподвижности мирной, оседлой жизни.

Кораблевождение, как и торговля со всеми, до кого только можно доплыть, — это всегда авантюра, ставящая на карту не только товар, но и саму жизнь. Для успеха предприятия нужны были крепкие нервы и железная воля. Морские просторы и речные артерии стали испытанием мужского характера, а заодно — школой для отсева и отбора лидеров. Заставить себя подняться на корабли и отправиться в рискованный военный поход по чужой, враждебной земле отважится

далеко не каждый.

Викинги, ведомые собственной удачей и личным мужеством, на быстрых судах избороздили вдоль и поперек все доступные в те времена земли. На своих кораблях они заплывали так далеко, как только могли. И расстояния были солидные. Так что скандинавским народам заслуженно принадлежала слава лучших мореходов того времени.

«Олай Верелий в Герворар саге (стр. 47) сказал: “Для тогдашнего века нормой было, что чаще оружие употребляли, чем в причинах разобратся пытались, и мира сносить не могли. Когда же намерение к тому имели и случая с соседями драться не было, то на море разбойничали, в далекие места заплывали. Была у них превеликая способность к плаванию не только на берегах моря Балтийского и Западного, но и между всею Скандинавиею в больших и малых озерах, и больше они жили на воде, нежели на полях”» (В.Н. Татищев).

Викинги. Художник У. Ринел

Смерть представлялась большинству из них чем-то далеким и нереальным, почти невероятным. Что такое Скандинавия того времени? Холод, долгие темные зимы, огромные расстояния, волки, но скандинавы были стойки и выносливы, они пережили морозы, не испугались волков и выдержали все то, что им пришлось претерпеть друг от друга, именно в этих местах вызревала мечта о власти и величии. По их ве-

рованиям Бог Один собирает души умерших воинов у себя за столом и место, где они пируют, зовется Вальгалла. Один думал об этом и наделил их большой выносливостью и силой. Твердые волей, стойкие, упрямые, скорые в дружбе и в гневе, коварные, неумолимо трудолюбивые, легко переносящие боль, голод и лишения – вот что отличает скандинавов среди других европейских народов.

И если на территории Скандинавии таким людям не находилось места, то они должны были либо погибнуть, либо найти себе другое место для жизни. Были и те, кто покидал суровый полуостров не навсегда, им было куда вернуться, но они хотели отобрать или купить у ближних и дальних соседей то, что помогло бы им скрасить жизнь на Родине.

Одно из направлений их экспансии проследить даже сейчас несложно: Готланд, Прибалтика, а затем – к русским рекам, и по ним – к Черному и Каспийскому морям. Пока варяги появлялись на великом водном пути из Балтийского моря в Черное только в виде малочисленных дружин, искавших мелкой добычи, без мысли основать прочное владение в землях, лежащих по восточному пути.

Торговые, как и воинские, походы требовали хороших кораблей и хороших моряков. Скандинавы имели в изобилии и то и другое. Они сооружали превосходные суда, легкие и маневренные, прекрасно подходившие для набегов на побережья. Такие корабли могли покрывать 120 миль в день, а небольшая осадка корабля позволяла им спокойно войти

в самую мелкую реку и пристать к берегу в любом месте, где вздумалось бы высадиться команде. Благодаря жесткому массивному килю и подвижным соединениям корпуса корабли викингов были прочными, но гибкими.

Высеченные в камне изображения, относящиеся к началу VIII века, запечатлели на своей поверхности корабли викингов, летящие по волнам под квадратными парусами. Такой парус был сделан из тяжелой шерстяной ткани и укреплялся сетью канатов. При необходимости парус можно было укоротить. Такой корабль мог плыть даже против ветра.

Надо сказать, что полагались викинги не только на одни паруса, но и на крепость рук. Гребцы располагались по бортам с каждой стороны, а весла были подобраны так, что касались воды одновременно. Они были не закреплены в уключинах, а вставлены в специальные отверстия, которые при необходимости можно задраить. Весла были очень длинными. Работа с ними требовала большой физической силы и умения. Грести на таких тяжелых судах было невероятно трудно. Необходима была полная согласованность движений всех гребцов, иначе весла натыкались друг на друга, и вся система превращалась в отчаянную неразбериху. Одновременность и ритмичность гребков достигали совершенства. Десятки длиннейших лопастей в один и тот же миг шлепались в воду. Вероятно, требовалось немало времени, чтобы достичь такого высокого мастерства. Помимо длительной тренировки, это искусство требовало еще и железной дисциплины.

Каждый гребец корабля был в большом почете.

Набег викингов. Художник Ф. Леке

Только физически развитые мужчины, под обветренной кожей которых играли стальные мускулы, обладающие чувством ритма, решившие связать свою жизнь с морем и бродить по свету в поисках различных приключений, становились гребцами на драккарах (так еще называли корабли викингов). Часто именно эти пути превращали их в ломающих гребни волн могучими веслами героев.

К тому же корабли управлялись обладавшими большим мужеством и искусством людьми.

Кормчие скандинавов не знали ни компаса, ни карт, но прекрасно могли ориентироваться по солнцу и звездам, используя самые примитивные вычисления.

Главная трудность в руководстве экспедицией состояла в управлении людьми, а не в управлении кораблем.

Поговорив про корабли, вернемся к изначальному вопросу: так что же гнало этих людей из дома? Может быть, нехватка плодородных земель? Или стремление к обогащению? Или неласковая природа родных мест при значительном перенаселении приморских районов Скандинавии?

Каждая из этих причин неумолимо толкала викингов на поиски новых мест, туда, где жизнь была если и не легче, то хотя бы сулила удачу отважным и богатство смелым.

Но какая же из них важнее?

Большинство историков склоняются к тому, что основной причиной стала непреодолимая тяга к добыче и приключениям. Они даже облачают все это дело в поэтическую формулу. «Последними пассионариями Севера» назвал их В. Демин: «Жажда богатства и славы, дух авантюризма двигали этими летучими отрядами, словно внезапно налетевший ветер всколыхнул народы и страны энергией холодного Севера». Прочитав такое заявление, я удивился.

Эта небольшая цитата – как характерный показатель. Пример. Бездоказательно, но романтично.

Те, кому нравится эта причина, верят в нее безоговорочно.

Две другие причины, имеющие немало сторонников, я объединю за их схожестью.

Первая выглядит так. Скупая, скалистая земля Скандинавии почти ничего не рождала, вот почему морской дракон на развевающемся флаге викингов расправил свои крылья, стремясь к европейским берегам.

Следующая причина почти напрямую вытекает из этой. Принято считать, что земля Скандинавии не только скупа, но и к тому же перенаселена, и вследствие этого избытка населения начался исход людей из бедных скандинавских стран.

Считается, что скандинавы по этой самой причине начали активно покидать свой полуостров в VIII–IX веках, а пик походов викингов падает как раз на IX столетие. Вроде бы все вполне логично, но мы получили ответ неполный.

Это, конечно, все так, но не эти причины были определяющими.

О каком переизбытке жителей в Норвегии на то время можно говорить, если расселение местного населения шло вдоль побережья очень редкой, постоянно прерывающейся, узкой полосой, и плотность его была такова, что на сотни квадратных километров приходилось в среднем не более чем по два норвега. О каком перенаселении может вообще идти речь?

К тому же природные условия, если брать в масштабах всего Скандинавского полуострова, сильно отличались. В Скандинавии, кроме фьордов и рифов западного побережья Норвегии, есть глухие непроходимые леса Центральной Швеции, которые соседствуют с дикими горами Киля, а продуваемыми всеми ветрами пустоши Ютландии уживаются с бесприютной северной тундрой. Развивать в этих условиях экономику непросто. Или, точнее говоря, ее могут развивать в первую очередь те, кто захватил наиболее удобные для этого дела территории.

И те, кто эти территории захватил, стараются распространить свою власть как можно дальше.

Желание вполне понятное. Любое сообщество в первую очередь стремится защитить себя от нападений, но при удобном случае расширить свои владения. Благодаря стремлению мелких государств к независимости, с одной стороны, и стремлению конунгов к расширению своих владений шло нескончаемое и беспорядочное чередование войн и перемирий. То была эпоха неустоявшихся границ, стремительных взлетов одних исторических деятелей и не менее стремительных падений других, что давало тогдашним бардам богатый материал и благодарную аудиторию. Королевства в Скандинавии появлялись, сливались и исчезали, как пузыри на воде. У каждого из них был свой конунг. А власть любого северного конунга держалась на военной силе. Каждый из них дрался за свою землю. Мелкие королевства боролись с

такими же мелкими, более крупные старались подмять соседей под себя. Борьба шла беспощадная и кровавая. Кипели битвы, конунги гибли, королевства отходили под власть победителя. Кровавые битвы происходили регулярно. Не раз изменялись границы земель ради новых, и земли королевств меняли свои очертания. Лишние люди, а ими, как вы понимаете, были проигравшие, вынуждены были искать себе применение в эмиграции, для них оставался лишь выбор между Западом и Востоком.

Те, кто проиграл и не готов был подчиниться или просто спасал собственную жизнь и жизнь близких от мести и полного истребления, вот они-то и составляли основную часть переселенцев.

Те же, у кого земля имелась, не рвались поменять свою Родину на новые, возможно даже лучшие, земли. Если такие и были, то единицы. Скандинавия, Прибалтика, Центральная Европа... Основой жизни везде и всегда было земледелие. Без землепашцев и ремесленников не было бы ни героев, ни экономики, а значит не возникло бы княжеств и государств. На равнинах и среди болот, в горной местности и среди лесов, на побережье и в отдалении от моря, на каменистой, глинистой или песчаной почве – повсюду люди пытались пахать землю и разводить скот, рубили и корчевали леса, очищали земли от валунов, строили дома, распахивали участки, т. е. совершали тот повседневный труд с целью добыть себе пропитание.

Успех в борьбе с соседями и конкурентами обеспечивался не только азартно грызущими щиты берсеркерами или волей капризных богов, а в основном хорошими урожаями и процветающей торговлей, дающих необходимые ресурсы для войны. Это понимал любой мало-мальски здравомыслящий конунг.

Все держалось именно на труде, без которого были бы невозможны ни сам воинственный викинг, ни его корабль. Если бы не разумно поставленное хозяйство, позволяющее не только выращивать и производить, но даже экспортировать отдельные продукты питания, то на своих тощих землях скандинавы умерли бы голодной смертью!

Большей части простого населения скандинавских стран некогда было шлаться по морям в поисках наживы, они обеспечивали себе пропитание мирным трудом – животноводством, земледелием, охотой и рыболовством. Например, одно из старинных норвежских произведений, под названием «Ригстхула», сообщает, что бонды, не покладая рук работали, обеспечивая себя рыбой, мясом и одеждой: они «приручали быков, ковали орала, рубили дома и сараи для сена, мастерили повозки и ходили за плугом», валили лес и расчищали его от камней для будущих посевов, строили не только пиратские драккары, но и небольшие маневренные суда – шнявки для ловли рыбы и торговых поездок.

Все это прописная истина, но не грех вспомнить о ней лишний раз.

Те счастливые конунги, у кого были земля и люди, с удовольствием занимались торговлей или ходили в набеги на соседей, но они всегда исправно возвращались домой. Им было куда возвращаться.

Вот мы и получили ответ на вопрос, что же толкало скандинавов покинуть родину и отправиться на поиски нового места жительства.

Главной причиной был не переизбыток населения. Со всем нет. И не жажда наживы.

Главной причиной была обострившаяся борьба за власть на Скандинавском полуострове! Инстинкт сохранения рода – вот что подвинуло людей обратиться к освоению новых путей.

Глава 5

Шведы и их соседи

Пришла пора вновь вернуться к шведам. Причины, по которым они оказались соседями славян, мы теперь можем себе представить. Но есть вопрос: что мы вообще знаем о Швеции и шведах того самого периода, о котором идет речь? Что дошло до нас от того, что происходило в Скандинавии на заре истории?

Можно сказать смело... Мы не знаем о шведах до начала десятого века практически ничего. Вообще. Да и о том, что делалось в то время в Скандинавии, известно очень немногое. Во всяком случае, раскопки, достигая интересующего нас слоя, всякий раз обнаруживают немного, только обгоревшие головешки и золу. Дошедшие же до нас предания этих древних дней содержат чудовищно мало сведений. Мы имеем куда больше информации о деяниях шведов в чужих землях.

Подтверждение этой мысли можно легко отыскать в «Истории государства Российского» у Н.М. Карамзина. Он высказал свое искреннее мнение по этому поводу в исключительно ярких выражениях: «Ссылаемся на благоразумного Маллета, который весьма основательно доказывает ненадежность всех источников древней Скандинавской Истории.

Многие смелые предприятия Норманов в VIII и в IX веке известны нам единственно по тому, что память их сохранилась в иностранных летописях, которые служили источником для новейших Историков Скандинавии» (Н.М. Карамзин).

Судя по сагам, до 840 года на территории Швеции шла жестокая борьба за власть, и кровь лилась реками, но о ее участниках и перипетиях нам ничего не известно. Считается, что главенство конунгской династии Центральной Швеции установилось уже в восьмом веке. Правда, в письменных источниках это не особо отражено. Даже такой большой фантазер, как Снорри Стурлусон, при всем его богатом воображении, ограничивается упоминанием лишь о двух местных персонажах: конунге Эйрике, властвовавшем в Уппсале в 850-е годы и Бьерне, о котором Снорри сообщил лишь то, что был он конунгом пятьдесят лет.

Само Шведское королевство как таковое возникло только около 1000 года, когда центральные и южные провинции (те, что не находились на тот момент под владычеством Дании) объединились под властью Олава Шетконунга, первого христианского монарха.

Монета с изображением Олава Шетконунга

По соседним странам информации не больше. Согласно легендам, ни один конунг, правивший в Дании, не продержался достаточно долго, а за триумфом неизбежно следовали поражение и гибель. Давно уж стерлись в памяти их имена или превратились в гигантские тени героев и воинов. Оста-

лись лишь прозвища, что мелькают в сагах, чтобы всплыть на мгновение и снова кануть в небытие. Порой непонятно, это исторические персонажи, или они вышли из мира легенд и сказок. Не секрет, что многие сказители, как тот же Снорри Стурлусон, в своих ставших бессмертными трудах большей частью основываются на легендах и собственных фантазиях. Но что поделать, если любая правящая династия любила старую славу, и скальды, воспевавшие конунгов, получали за это награды, почетные звания и доходные места. Тот же Снорри Стурлусон вследствие подобных заслуг был назначен верховным судьей в Исландию, где он собрал изустные или начертанные рунами предания.

Из исландских саг известно, что почти все IX столетие Норвегию раздирали междоусобные войны между свирепыми и гордыми людьми, обычным делом считалось убийство, даже если противник был твоим родственником. Брат шел на брата, сын – на отца, отец – на сына, да и остальные родственники в случае необходимости не оставались в стороне. Этими страшными событиями до краев наполнены саги того времени.

Вплоть до XI века Норвегия состояла из раздробленных королевств, что было обусловлено как географическими особенностями страны, так и ее историей. Ведущая роль в политической истории принадлежала Эстланду, Восточному краю, Вестфальду, Раумарике, Хейдмерку, Эстольтфу. Здесь были самые благодатные земли, дающие хороший урожай.

Тунсбург, Осло – торговые города, куда толпами стекались местные и чужеземные торговцы. Жители богатели. Именно Вестфальду, выделявшемуся из всех мелких королевств, и было суждено дать Норвегии династию конунгов.

Скандинавия, как наверняка вы уже успели заметить, была не тем местом, где рождаются слабые духом. «В оном состоянии короли, имея многие между собою несогласия, жестокие войны вели, которые создали ожесточенное северных народов мужество и, справедливо будет сказать, сделавшие их свирепыми» (В.Н. Татищев).

Поэты и сказители слагали песни о королях и героях, поражавшие воображение, но имевшие весьма слабое отношение к действительности. Не исключено, что большинство распрей и битв, о которых потом складывались героические песни и предания, были на деле заурядными усобицами местных вождей. Они были скорее насыщены поэзией, чем строго достоверны.

Первый правитель Норвегии, о котором можно говорить серьезно, – Харальд Прекрасноволосый. До него Норвегия не знала правителей такого масштаба.

Забегая немного вперед, сообщу, что, судя по сагам, его матери привиделся вещий сон, что ее род будет подобен могучему дереву, чьи ветви раскинутся над всей Норвегией. В Норвегии в этот сон многие до сих пор свято верят. Их ни капли не смущает, что задолго до этого точно такой же сон приснился славянскому правителю Гостомыслу. Да и он был

не единственным, кому привиделось ночной порой такое чудо-дерево. Может быть, сказочный мотив витал в воздухе, как призрак, не ограничиваясь одной страной, а что вероятнее всего, хронисты, летописцы, скальды просто заимствовали его один у другого. Чего самим зря голову ломать, когда прекрасный сюжет уже создан и остается только привести в соответствие с местными условиями?!

Ветви могучего дерева власти Харальда действительно раскинулись над всей Норвегией, но после его смерти королевство, державшееся только силой его личного авторитета, вновь распалось. Драка за господство над Норвегией возобновилась. Норвежцы даже в это время еще не осознавали себя единой нацией. За мечту владеть страной положили свои жизни такие неординарные и яркие личности, как конунг Харальд Серая Шкура и его убийца Золотой Харальд, ярл Хакон и Олав сын Трюггви, и как не добавить в этот список Олава Святого?! С двумя последними нам предстоит познакомиться поближе.

Много пролилось крови в бешеной борьбе за влияние. Процесс объединения шел долго и стоил немалой крови. Смешно было бы ожидать, что местные вожди, ярлы и конунги готовы будут поступиться собственной властью ради какой-то непонятной цели, а если даже и понятной, то не вызывающей одобрения у них лично.

Вернемся, однако, к шведам.

Норвежцы у берегов Исландии. 872 г. Художник О. Вергеланн

С тем, что влекло скандинавов покинуть скандинавский полуостров и искать приют в соседних землях, мы разобрались. Почему именно шведы стали расселяться на землях, которые по большей части контролировали славяне? Ответ банален: просто эти земли были для них ближе.

Остался главный вопрос: зачем? Какая была цель? Или они просто покинули свой полуостров, спасая свои жизни, и ринулись куда глаза глядят? Вряд ли. Наверняка их выбор был чем-то обусловлен. Остается понять чем.

Купцы, которые в свое время привезли в Скандинавию вино, мед, солод, пшеницу, западное оружие, пробудили у себя дома потребность в этих вещах.

Коммерческая активность викингов на Востоке с каждым годом увеличивалась, а значит, возникла необходимость создания постоянных стоянок для сбора и обмена товарами. А изгнанники были хорошо подготовлены для захвата торговых путей, по которым шла торговля кожей и мехами. Они отличались редкой уверенностью в себе. Для этих людей было привычно совершать бесконечные военные походы, приносившие им до этого богатство и славу.

Но завоевать эти земли только силами изгоев возможности не имелось. Это было бы нереально. Сумев избежать печальной участи в Швеции, они бы сложили свои головы здесь. И это случилось бы наверняка, попробуй они, обнажив оружие, претендовать на славянские земли.

Но викинги могли выступать не только в роли грабителей и захватчиков: при необходимости, как в этом случае, они выступали в качестве мирных поселенцев и земледельцев на еще плохо обжитой территории. Поэтому колонизация носила мирный характер. чаще всего руководители норманнских отрядов заключали союзы с местной знатью, выгодные обеим сторонам.

Что к этому можно добавить? Судя по находкам в России, как их проанализировали шведские исследователи, источником миграции в основном была Средняя Швеция (Stalsberg

1982; Jansson 1987).

Глава 6

Русь

Что думают по поводу названия «русь» историки?

Для начала прислушаемся к мнению виднейшего русского историка С.М. Соловьева: «Сличив различные толкования ученых, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на Западе, у племен германских, на Востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями.

Таковы, по нашему мнению, вероятнейшие выводы, какие можно добыть из многочисленных толков о варягах и руси» (С.М. Соловьев).

Сергей Михайлович своим авторитетным мнением еще

раз подтверждает то, что русский летописец не ошибся, когда включил в число варягов народ, прозываемый русами. «Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными: известием, находящимся в Бертинских летописях, что народ рос принадлежит к племени свеонов известием Лиутпранда, епископа Кремонского о тождестве русов с норманнами; известием арабских писателей о нетождестве варягов, руси и славян».

Почти о том же самом пишет в своем бессмертном труде Н.М. Карамзин: «Выпишем слова Несторовы о Руси: “Идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сие бо ся зваху ти Варязи, яко сии друзіи зовуться Урмяне”, и проч. Далее: “и отъ тѣхъ прозвася Русьская земля, а Новгородци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словени” (а в других списках: “и суть Новгородстїи людїе и до нынѣшняго дни отъ рода Варяжьска: преже бо бѣша Словени”). То есть Нестор говорит, что древние Новгородские Славяне от времен Рюрика смешались с племенем Варяжским. (Это очень важно, что смешались со славянами лишь во времена Рюрика. – *Прим. автора.*) – Следственно, имя нынешней России происходит от Варягов-Руси, а не от рассеяния, как думали некоторые, согласно с известием Прокопия о Спорах, ибо Варяги не были Славянами. В древние времена писали у нас Русь, после Руся, а наконец обратили букву У в О.

Татищев думал, что Митрополит Макарий первый ввел сию новость: но во всех древнейших списках Степенной, так

называемой Макариевой Книги, во всех рукописях XVI века, сколько мне случалось их видеть, употребляется название Русь и Русиа. Болтин несправедливо также говорит, что со времен Макариевых начали производить имя Россов от рассеяния: нет, гораздо прежде: ибо Герберштейн пишет, что в его время сие мнение было уже общим в России (см. *Rerum Moscoviticarum Comment.*, стр. 1)» (Н.М. Карамзин).

Что же получается? А получается, что русь, варяги и славяне не тождественны, что значит – различны.

Исходя из этого, делаем вывод, что русь, хоть и числится под определением варягов, но, в отличие от скандинавов, чем-то от них отличается. Вопрос: чем? И почему именно они – «русь»?

Давайте быстренько распутаем этот клубок вопросов.

На самом деле все довольно просто. Я начну с той версии, к которой после недолгих и непродолжительных размышлений пришел сам.

Людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, а равно и живущих по берегам морским, можно объединить под одним условным названием – «гребцы». Именно так и называли себя скандинавы, отправлявшиеся на Восток, в земли финских, а затем и восточнославянских племен. На финской почве это слово приобрело форму *ruotsi*, которым и сейчас в финском языке называют шведов (напомню, что финно-угорские племена, к которым относились и чудь, и меря, и весь, в древно-

сти населяли огромные территории на севере Руси). Эта версия, лингвистически весьма хорошо обоснованная, до сих пор остается наиболее вероятной.

Если о норманнах восточные славяне впервые узнали от финнов, то естественно, что от них заимствовали и термин. Переделка в «русь» вполне аналогична соответствию Суоми – сумь и входит в ряд северных этнонимов: чудь, весь, водь, емь, ливь (Томсен 1891; Шахматов 1904).

Того же мнения придерживался и выдающийся нумизмат, а затем академик Императорской Академии наук, в течение сорока лет служивший хранителем в Императорском Эрмитаже Арист Аристович Куник (1814–1899). Он занимался лингвистической разработкой этой проблемы и предложил существенное уточнение в скандинавской этимологии слова «русь».

Название «русь», по его мнению, должно восходить к скандинавскому слову *rodsen*, тоже имевшему значение «гребцы». Что еще сказать, кроме того, что слова *ruotsi* и *rodsen* довольно похожи? Отсюда и название. По созвучию.

Название это, или, если хотите, прозвище, прижилось, и по аналогии с варягами, а заодно и учитывая их географическую принадлежность, так стали зваться те из скандинавов (по большей части шведы), что последовали за своими вождями и поселились рядом с землями славян. Русы.

Меня это объяснение вполне устраивает.

То есть слово «русь» славяне использовали как обозначе-

ние шведов, проживавших именно на Руси, или, на тот момент, земле славян, но не в самой Швеции.

На этом с определением слова «русь» можно было бы и закончить. Но, как вы понимаете, много кто пытался дать этому слову свое объяснение. Часть этих объяснений объединил отрывок из труда Н.М. Карамзина, а я решил вас вкратце познакомить с ним: «Некоторые новейшие Летописцы, вопреки Несторову сказанию, производили имя Руси от реки Порусья, говоря (см. Воскресенск. Лѣт. I, 61): “И пришедше Словени съ Дуная и сѣдше у езера Ладожьскаго” (чего нет в древней летописи) “и оттолѣ пришедше сѣдоша около езера Ильменя, и нарекошася Русь, рѣки ради Руссы, еже впадаетъ въ езеро Ильмень” (въ Полисту)» (Н.М. Карамзин).

Единственный вопрос, который мог еще остаться после всего прочитанного, таков: почему же русь – это в первую очередь шведы?

Частично мы об этом уже поговорили, рассматривая активность шведов. Это не удивительно, если проследить маршруты, куда продвигались шведы.

Повторюсь. Археологические находки указывают на то, что скандинавское влияние в латышских, литовских и славянских землях Восточной Прибалтики имело место, хотя едва ли было очень сильным и уж тем более господствующим. Но шведы были там не первыми поселенцами, когда решили здесь обосноваться, там уже существовали какие-то поселения – возможно, финские, проживавшие в этих ме-

стах задолго до прихода шведов. Наука поддерживает такое предположение.

Археологические данные показывают, что первые шведские поселенцы прибыли на территорию Старой Ладogi в середине IX века.

Напомню, шведские переселенцы постепенно обустроивались на славянских и близлежащих к ним территориях и становились жителями этих мест. Они прибывали сюда с женами и детьми в надежде остаться надолго. Видя, что славяне заняли своими поселениями почти ключевые точки на этой «дороге жизни», шведы первые шагнули навстречу славянам и сблизились с ними. Они дошли до верховий Невы и пересекли Ладожское озеро.

Скандинавы стали соседями славян. Для местных жителей они уже не шведы, а соседи, такие же жители этих мест, как и они сами. Одним словом – русь.

Большая часть «приезжих» были не землепашцы, а воины и торговцы, и соответственно они искали для своего пристанища место на маршруте, которым будут добираться их соотечественники до Днепра или Волги.

В конце IX и в X столетии поток шведских поселенцев в район Ладogi увеличивается. Это подтверждено раскопками. Уровни IX и X веков содержат много предметов шведского происхождения. Археологические данные указывают, что шведы жили здесь с начала IX до начала XI века. Пик приходится на X век. В конце IX и в X столетии район Ла-

доги подвергся активной колонизации со стороны шведских поселенцев.

Чтобы обжиться спокойно, без ненужной нервозности, пришлецы поддерживали хорошие отношения с местным населением, проживавшим там задолго до прихода шведов. У них это хорошо получалось. Именно таким образом шведские викинги получили возможность безбоязненно расселяться в X веке по всей юго-восточной территории Ладожского озера от района Старой Ладogi. Они не преминули этим воспользоваться и шведские колонии медленно распространялись, занимая значительной территории. Они понемногу прибирали к рукам территории, заселенные нецивилизованными аборигенами (если их так можно назвать) и ничейные земли. И если где-то, у кого-то землю и вправду отобрали, и даже обложили данью бывшего ее владельца, скотовода или земледельца, то взамен викинги защищали такие поселения от грабительских набегов извне и от других местных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.